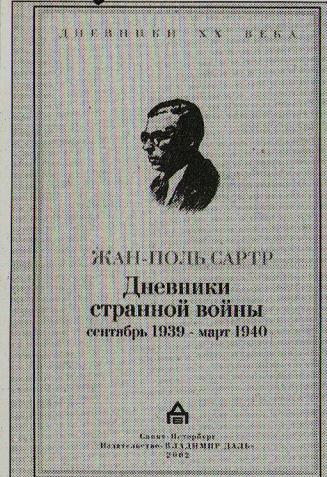

Сартр Жан-Поль

16.5.02

По направлению к Ничто

Война и мир Жана-Поля Сартра
независимая. - 2002. - 16 мая - с 8

Наталья Осминская

Жан-Поль Сартр. Дневники странной войны. Сентябрь 1939 - март 1940. - СПб.: Владимир Даль, 2002, 815 с.

Сартра призвали на войну 2 сентября 1939 года. Ему 34 года. На его писательском счету роман «Тошнота» и сборник новелл «Стена». Плюс несколько философских работ. Он интеллигент с уклоном в философию жизни, но и не чурающийся университетской кафедры. Он буржуа с пристальным, но недоверчивым отношением к французской Коммунистической партии: она недостаточно радикальна.

14 сентября 1939 года первая запись в дневнике: «Я отправился в армию «стоиком», это предполагало, что мне пришлось, с одной стороны, перечеркнуть всю прошлую жизнь, а с другой — принять будущее, в котором собственных моих возможностей больше не существовало». Действительно жизнь Сартра резко переменилась, хотя для русского читателя, воспитанного на героике Великой Отечественной, вся дальнейшая военная линия дневника со всех сторон покажется несерьезной. По косоглазию Сартр попал в нестроевой метеорит. Передовая была далеко, да

и там первые недели не стреляли. Ходили слухи, что все кончится переговорами. Поначалу Сартр был подневолен обычной муштре, а остальные шесть месяцев в его обязанности входило дежурить в офицерской (спать разрешалось), а днем — проверять готовность приборов. При такой службе у него почти ежедневно находилось 9-13 часов для работы, для *своей* работы: он начинает трилогию «Дороги свободы», он поддерживает переписку с друзьями, наконец, он ведет дневник,

дансским населением. Он бросает в дневник свои впечатления от только что прочитанного: от дневников Жида, от рассказов Экзюпери, от Достоевского, Ролана, Стендоля, Кафки. На вопрос — а зачем он вообще ведет дневник? — отвечает много-кратно и по-разному: чтобы свидетельствовать об историческом моменте, чтобы разобраться в себе, чтобы дать ход застопорившейся мысли, набрать обороты рефлексии, наконец, просто для того, чтобы писать: «Даже на войне мне все

смысленной войне и стало трамплином для философского полета Сартра. Из потребности определиться со своим «бытием-на-войне» рождается понимание, что человек никогда не бывает «сам со собой», а всегда — в ситуации, не им придуманной, не им выбранной. Так Сартр постигает хайдеггеровское понятие «заброшенности» в мир. Но Сартра не устраивает идея подневольности человека случайности. Он стремится понять, что значит его собственная воля, что означает обладать возможностями и почему для него — человека нерелигиозного — существует мораль. И вот в этот-то момент — на проблеме моральной ценности — нескончаемые философские пассажи приобретут вдруг не свойственный сартровской мысли афористический вид:

«Мы полностью отвечаем за свою жизнь.

Мир в каждое мгновение присутствует в моей жизни во всей полноте.

Метафизическая ценность того, кто принимает на себя свою жизнь и подлинность. Это единственный абсолют».

Да, Сартр со всем основанием мог сказать, что это была его война. Война мыслителя, волею случая заброшенного в пограничную ситуацию и волею другого случая остановленного на самом краю этой ситуации. Кабинетная рефлексия в пяти шагах от поля боя. Философский драйв, питающийся реализмом близкой смерти, реальной возможностью не быть. Философский ступор, вызванный невозможностью быть тем, кем был ранее, располагать собой, быть, как казалось, свободным. И философский инсайт, обнаружение того, что наибольшая свобода достигается тогда, когда историчность момента берет вверх над личным свое-волием.

Не знаю, как кому покажется, но мне вся эта история —

Сартр через полтора месяца после начала войны. «Я фотографируюсь, чтобы посмешишь друзей», — говорил он своим сослуживцам.

история человека, который в период наибольшей скованности обстоятельствами вдруг проникается сознанием своей абсолютной свободы, — удивительно напоминает искания Пьера Безухова. Так сказать, похожий рисунок роли. И знаменитая сцена смеха чрезвычайно соответствует темпераменту Сартра: «Вдруг он захотел своим толстым, добродушным смехом так громко, что с разных сторон с удивлением огляднулись люди на этот странный, очевидно, одинокий смех».

— Ха, ха, ха! — смеялся Пьер. И он проговорил вслух сам с собою: — Не пустят меня солдат. Поймали меня, заперли меня. В плена держат меня. Кого меня? Меня! Меня — мою бессмертную душу! Ха, ха, ха!.. Ха, ха, ха!.. — смеялся он с выступившими на глаза слезами...

Пьер взглянул в небо, в глубь уходящих, играющих звезд. «И все это мое, и все это во мне, и все это! — думал Пьер. И все это они поймали и посадили в балаган, загороженный досками!» Он улыбнулся и пошел укладываться спать к своим товарищам».